

А. В. Шарычев

Снежный рассказ

Алексей Владимирович Шарычев

Снежный рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68761350

SelfPub; 2023

Аннотация

Увлекательная история, написанная стихотворным слогом, (она без предисловия). Рассказ поведает о многом читателям внимательным. Очень занимательно время своё проведёте, и душою отдохнёте.

Алексей Шарычев

Снежный рассказ

А.В. Шарычев

Снежный рассказ

Первые лучи рассвета
Сквозь ночную мглу прорвались,
Обозначив силуэты
Двух домов, что затерялись
Посреди лесов пустынных.
В этих зданиях старинных
Барская семья жила.
В первом доме был амбар,
Во втором – сами жильцы.
И деревня в пол версты
Рядом у реки ютилась
С сотней верных крепостных.
(Барин щедр был на милость,
И любили здесь его).
А в делах всё не везло
Ему, сильно прогорел,
Промотал всё, что имел,
И сидел теперь в имени,
Тихо пьянствовал, старел.

Редко развлекался чтением,
А вот в карты и в бильярд
Поиграть всегда был рад.
Звали его Калистрат
Петрович Спицын.
В эту ночь опять не спится
Ему, в гости затянул
Трёх помещиков знакомых
На азартную игру.
Дым табачный среди комнат
Вьётся, плавает туманом.
Игроки уже устали,
Вяло поднимают карты.
Скоро утро; заскучали,
Нету прежнего азарта.
Спицын чешет бакенбарды,
И лениво трубку курит.
– Господа, давайте завтра
Поиграем. Сонной дурью
Голова моя полна.
(Говорит им Калистрат).
А сейчас я рассказать
Вам хочу кое-чего
Из бывшего своего.
– Рады вас послушать, сударь.
– Что ж, начну, сию минуту.

Сорок лет тому назад
Это было, господа.
Был я молод и богат,
В Петербурге жил тогда.
Двадцать лет – прекрасный возраст!
Юн и полон сил; серьёзность
Напускная на лице.
Позади уже лицей,
Впереди чин офицера
И блестящая карьера
В перспективе. Дружно жили
Мы с товарищами; нас
Многие тогда любили.
Приглашали в преферанс
Поиграть. И на балы
Часто заявлялись мы.
Весело в те дни кутили,
Пунш в себя ковшами лили!
Это было по зиме.
Как сейчас была погода.
Ветер, стужа на Неве,
А на улицах сугробы
Намело, и так, что окон
У иных домов не видно.
А морозы так жестоки! -
Заблудиться незавидно

Было в пору ту на тройке,
Холод быстро похоронит.
Ну, конечно, если город,
То в нём трудно потеряться.
Не о том распространяться
Стал. И впрямь устал...
Ближе к делу. Нас позвал
Князь Бакунинский на бал.
Их, Бакунинских, тогда
Весь столичный город знал.
Он уже старик; жена
У него с царём в родстве.
И у них девицы две,
Нам ровесницы. Всегда
По субботам, воскресеньям
Шли балы у них, веселье
До утра распространялось.
Общество там собиралось
Знатное, и молодёжь
Рядом развлекалась тоже.
Четверо нас заявилось
В этот вечер к ним на праздник.
Каждый из нас был проказник;
Озорство по жилам билось,
Пузырьками поднималось,
Как шампанское искрилось!

Очень часто нам случалось
Пошутить навеселе
Так, что все потом везде
Наши подвиги судили.
Ох, повесами мы были!
Князь Бакунинский любил нас
Приглашать; ему воздать
Нам за это приходилось,-
С дочерями танцевать
Мы обязаны все были...
Надо познакомить с ними
Вас, чтобы сейчас
Лучше вам понятна стала
Наша участь. Их анфас,
Профиль бы внушил немало
Опасений в темноте...
Но есть хитрость в красоте,-
Румяна, белила, тени,
И они придать сумеют
Сносный вид кому угодно.
Это были две чухонки
Узколобые, и сдобны
Как ватрушки! Перепонок
Не хватало им на пальцах,
Чтоб за стрелы прицепляться
И пищать: "Ну, поцелуй!"

– Ну уж, слишком не рисуй,
Ха-ха-ха! И впрямь такие?
– Да! А глупые какие...
Младшая чуть интересней,
Звали её все Мари́.
А вот старшая, хоть тресни,
Днём с огнём в ней не найти
Искорку ума, – Поли́
Звали её. В той Полине
И Марине, женихи себе найти
Могли царства половину.
Там приданое такое,
Что не будешь ведать горя.

Бакунинский двоих нас выбрал
В женихи для дочерей.
Но молчал всегда как рыба,
Цели не открыл своей
Он пред нами, а жене
Предоставил это дело.
Та беседовать умела
Хитро; пару раз ко мне
Удочки свои кидала,
Осторожно намекала.
Я и Толя Оболенский
У неё были на леске.

А мы пользовались этим.
Что нам удочки? Нас в сети
Не поймаешь никогда.
Знали мы, что в каждый бал
Будем зваными гостями,
И друзей не забывали
Притащить с собой туда.
Я скажу вам, господа,
Там дворец был, а не дом,
Шик и блеск повсюду в нём!
Меня трудно удивить
Было, сам богато жить
Я привык в ту пору, но
Не хватило бы мне слов
Описать всю роскошь эту...
Да и как-то вовсе нету
И охоты у меня
О богатствах вспоминать,
Когда старенький сарай
Да долги по векселям
Мне остались на старость.
– Калистрат Петрович, малость
Нам нужна чтоб выживать.
Не печалься, грех – роптать.
– Верно, сокрушаться поздно,
Не помогут горю слёзы.

Значит, выбрала она,
Эта хитрая княжна
Нас двоих себе в зятья.
Часто трунили друзья
Над забавной нашей ролью.
Я и сам смеялся, помню,
Над собой и Оболенским,
Влипли с ним мы не по-детски.
Приходилось уделять
Время и вниманье дочкам;
Развлекать и танцевать,
Ну и всё такое прочее.
Впрочем, час на них увьём
И тихонько улизнём,
И в толпе искать пойдём
Барышень себе прекрасных.
Был гостями полон дом
В те балы, и много страстных
Дам, девиц вокруг крутилось;
От восторга заходило
Сердце, глядя в тот цветник.
Оболенский, баловник,
Успевал и тут и там.
А вот я, признаться вам,
Не таким был расторопным;
Суетился возле дам,

Рисовался принцем томным,
Но на это благосклонных
Откликов не находил.
Я тогда во всех влюблённый
Был, но покори́л
Только лишь одну По́ли
В те весёлые балы.
Постоянно уследит
Меня среди всей толпы,
И поманит на кадриль.
И домой я уходил
Как не солоно хлебавши.
Впрочем, мы обычно шли
После этого на шашни
В дом терпимости, хи-хи.
Ну так вот, почти всю зиму
Мы к Бакунинским ходили;
Точно знали, что нас примут,
И друзей с собой тащили.
Нам завидовали, кстати;
Многие на наше место
Захотели, – стать богатым
Через толстую невесту,
Это нетяжё́лый труд.
Был средь нас один хват, плут,
Балагур, Сергей Лисицын.

Беден был он. Может, лгут,
Что отец его пустился
После свадьбы в заграницу,
Прихватив весь капитал
У жены своей, и в Ницце
Быстро его промотал.
А Серёжа возрастал
С матерью. Перебивались
С хлеба на воду, а знались
Со всей знатью городской;
Род у них был непростой,
Древний, но стал бедным.
Так судьба-злодейка смертным
О себе напоминает,
Превозносит, в грязь втирает.
И вот этот хват Серёжа
Сразу понял, что к чему.
Стал к Марине осторожно
Подбираться, – ни к чему
Оболенскому она;
И решил он все права
На неё себе присвоить,
Стал пред ней Ромео строить.
Та наивна и глупа,
И довольно неплоха
По сравнению с Поли́.

Сядет он возле Марй,
Пока Оболенский где-то
Успеваает на соседнем
Фронте дам атаковать.
И начнёт он ей вливать
В уши сладкий мёд словес.
Ух, хитёр был этот бес!
Быстро окрутил её.
Та к нему всем сердцем льнёт,
Радуетя каждой встрече.
Ну а тот умело лечит
Её дэвичие раны
Ласковым своим бальзамом.

Мы гостили в этот вечер
У Бакунинских втроём:
Я, Лисицын, и беспечный
Оболенский. Тянем-пьём
Не спеша вино в бокалах,
И степенно рассуждаем,-
Отдаём дань нашим дамам.
Самое начало бала,
Гости только подъезжали.
Ярко освещенье в зале;
Музыка ещё играет
Тихо, лишь для фона.

Князь, княжна его – матрона,
Ходят среди огромных комнат
И о чём-то говорят.
А у входа стройно в ряд
Выстроилася колонна
Из лакеев; монотонно
Подобрали им наряд.
Мы же, все втроём сидим
За столом и рассуждаем,
Дам своих увеселяем.
– Я бы вас хотел, Мари,
Только об одном просить,
Снисходительными будьте
Вы ко мне, к моей любви.
(Ей Лисицын говорит
Шёпотом). А та всей грудью
Страстно, пламенно вздыхает,
И от счастья сияет.
Оболенский нас смешит,
Как всегда, (меня с Поли).
– Папенька у вас сердит.
Посмотрите как глядит!
Гром и молния сверкает
В его взоре! Грозный вид
У него всегда бывает.
Зевса он напоминает

Громовержца! А вы феи.
– Мы приятностью владеем,
(Изрекает Поля важно),
Нас учили с колыбели
Быть опрятными. Нас в каждый
Божий понедельник,
Среду, пятницу учили,
Как владеть свободно телом
В любом танце, – от кадрили
До всех вальсов, всевозможных.
Говорить неодносложно
Обучали. (Чуть ли не захохотали
С Оболенским мы; сдержали
Еле-еле свой порыв).
А Полина продолжает.
– Папенька всегда учтив,
Но неласков. Он учил
Даже как-то нас латыни,
Только мы потом забыли.
Нам французского хватает.
Что вас, сударь, забавляет?
(Оболенский не сдержался,
Резко, громко рассмеялся).
– Да я вспомнил анекдот
Про все эти языки...
Много с ними я хлопот

Испытал. Так от тоски
В детстве был, уча английский.
И он очень пригодился,
Чтоб француженку ругать
Гувернантку. Танцевать
Тоже, кстати, нас учили.
Помнишь, Калик, приходили
К нам в гимназию французы?
– Как забудешь ту обузу!
– Но зато теперь прекрасно
Вы вальсируете; вас мне
Сам Господь послал в партнёры.
(Говорит Полина томно,
И вздыхает нежно страстно,
Глядя на меня в упор).
– Посмотрите-ка, затор
У дверей; кто там приехал?
(Отвечаю я, со смехом).
Мы сейчас посмотрим сходим,
Поднимайся, Анатолий.
(И пошли мы с Оболенским),
А Полина с нами вместе
Увязалась; не пускает
Нас одних уйти на волю,-
Прежние побеги помнит;
Бдит за нами, охраняет.

А Мари с Серёжей рады,
Что шептаться им не надо.
И Лисицын сразу к делу
Приступил; повёл умело
Диалог: – Я вас не смею
Добиваться; беден я.
Незавидная моя
Доля будет не по нраву
Вашим папе с мамой.
Потому и умоляю
Сей вопрос не поднимать;
Наперёд ответ их знаю.
– Нет. Я им должна сказать,
Что люблю вас. Оболенский
Мне не нравится, он дерзкий,
Ветреный, непостоянный.
За него идти не стану.
С мамой я поговорю;
Ей скажу, что к алтарю
Только с вами я пойду.
Мама папой управляет,
(По секрету говорю),
И всегда мне помогает,
Душу чувствует мою.
– Ну а как я покажусь
Маме, в роли жениха?

– Я за это не боюсь.
Она мало о деньгах
Помышляет; понимает,
Что любовь важней богатства.
Для меня будет стараться.
«Очень сильно сомневаюсь,
Не такая она дура.» -
Про себя Лисицын думал.
– Что ж, я тоже попытаюсь
Ей понравиться. Она
Так любезна, не горда.
(Вслух Серёжа продолжал).
По душе мне ваша мама.
Только вот вниманья мало
Уделяет на меня.
Спицын её занимает
С Оболенским; им всегда
Тет-а-теты свои дарит.
– Я сама поговорю,
Расскажу как вас люблю...
(Тут она его тихонько
Под столом рукой коснулась,
И краснея, улыбнулась).

А тем временем мы звонко
Возле входа хохотали,

(Шутку ту про перепонки
Оболенскому представил
Я вполголоса тогда;
Он от смеха помирал).
Общество нас там стояло,
Человек пятнадцать, где-то,
Молодёжь одна: кадеты,
Чуть постарше, – офицеры;
Барышни в нарядах пышных
Плавали средь нас надменно.
На весь зал нас было слышно!
Ох уж бедные лакеи,
Что они от нас терпели!
Это трудно описать.
Веселились, так сказать,
Мы по молодости нашей
Очень грубо, бесшабашно.
Много, много позволять
Мы могли себе в те дни...
В общем, долго там стоять
Продолжали мы. Огни
В люстрах ярче загорелись,
Музыка звучала громче.
Мы сильнее подогрелись
Возлияньями. Прикончив
Две бутылочки вина,

Стали в зале танцевать.
Иногда мне ускользать
Удавалось от Полины.
Но она за мной следила,
Шла всё время по пятам.
Многолюден был тот бал;
Человек под сто, наверно,
Собралось одновременно.
Экипажей возле дома,
Словно в таборе цыганском.
Белоснежные колонны
У дверей; по-царски
Изукрашенные окна.
Превосходно, бесподобно
Выстроено зданье то,
В самый раз назвать дворцом!
А внутри, дворцу под стать,
Шли дворцовые интриги.
Наш Лисицын осаждать
Продолжал Мари; та мигом
Волю его исполнять
Поспешила, – ловит мать
Возле лестницы, и ей
Тихо всё наедине
Излагает про Серёжу.
– Да на что ж это похоже!

Ну и нравы! Свя́тый Боже!
Подожди, остынь, Мари.
В тебе юность говорит.
– Я люблю его, мама́!
Знаю я, моя судьба
Быть с ним вместе.
Он прелестен!
Мне противен Оболенский!
– Да уж, выросла невеста.
Перестань сию минуту!
Я шутить с тобой не буду.
Папа тоже. Свя́тый Боже!
Оболенский; он-то что же,
Что-то говорил тебе?
– Он повсюду и везде,
Только не со мной.
Несерьёзный он, шальной.
– Нет уж, милочка, ты брось
Эти шутки! Что за мода?!
Значит, вот где в горле кость...
Так в семействах благородных
Барышни не поступают.
Ишь, что вздумала! Романы
На тебя так повлияли?
Ты иди сейчас обратно
В зал. Пока не станем

Эту тему обсуждать.
– Я и так уже сказать
Вам успела всё! А вы!..
(Гневно крикнула Мари,
И по лестнице помчалась
Вверх, к себе в уединенье).
А княгиня растерялась;
Оглянулась на мгновенье,
Чтоб окинуть быстрым взором
Тех, кто мог их разговору
Быть свидетелем. Затем
Вниз спустилась, скрыв волненье.
«Не хватало нам проблем...
Что за горе-поколень!» -
Думала она, и шла
Мужа среди гостей искать.

Продолжали танцевать
Мы весёлую кадрили.
Я сумел таки удрать
От назойливой Поли.
На второй этаж поднялся,
Чтоб спокойно покурить.
Оболенский потерялся
Где-то; свою прыть
Перед дамами казал.

И Лисицын пропадад
Тоже в зале средь толпы.
Ну а я стоял, курил.
И смотрю, – сам князь идёт.
Он всегда как рыба был
Нем, а тут берёт
Меня под руку, ведёт
Чуть подальше в коридор;
Говорит мне: «Я с тех пор,
Как вы стали приходить
К нам сюда на вечера,
Начал пристально следить
За Лисовским, иль, как там?»
– За Лисицыным, наверно?
«Да, за этим самым, верно.
Ну так вот, я вас просить
Собираюсь об одном...
Не могли бы вы при нём,
То есть, прямо огласить...
М-м, чтобы он не приходил.
И не то чтобы не мил
Он здесь был кому-то. Нет.
Просто, это как ответ
Ему. Поняли меня?»
– Не совсем. Но я сказать
Это запросто могу.

«Я у вас за то в долгу
Буду. До свиданья, сударь.» -
Говорит он, уходя.
Мне, признаться, было трудно
Смысл понять; и сильно я
Удивился, – от чего же
Изгоняет он Серёжу?
Докурил я, и вернулся
Снова в зал. Ходил, искал
Там друзей своих; наткнулся
На Лисицына. Сказал
Я ему всё, слово в слово.
Тот нахмурился сурово,
На мгновенье, и опять
Балагурить, хохотать
Продолжал в своей манере.
– Что ж, невелика потеря!
Не по нраву светским львам
Стал в последнее я время.
Жаль, что не увижу дам
Двух прекрасных. Вот ведь бремя
Скоро выпадет на шею
Здесь кому-то, Калистрат!
Осторожней с ними, брат.
(Так он молвил мне, смеясь).
Ладно, думаю, как с гуся

Вновь с него вода и грязь
Вся слилась. Ни грамма грусти
Не было в его словах,
Шёл на полных парусах.
– Спицын! Спицын, негодяй!
Ты где, негодник, пропадал?!
Поскорей сюда шагай!
(Оболенский мне кричал).
Еле-еле от Поли
Наконец-то я удрал.
Надоела! Говорит,
Чтоб тебя везде искал.
– А я с князем рассуждал.
Он Лисицына не хочет
Видеть у себя в гостях,
И при том, как будто срочно.
Изложил мне второпях
Просьбу свою, без деталей,
И сказал, чтоб передал я
Всё Сергею. Ну а тот
И не ведает хлопот;
Только что куда-то скрылся.
И ничуть не удивился,
Что прогнали его в шею.
– Он смущаться не умеет.
Интересно, от чего же

Вдруг в опалу наш Серёжа
К ним попал? В чём маху дал?

– Этого не разгадал

Из тех фраз, что мне сказал
Князь Бакунинский сегодня.

Он всегда немногословен.

– От молчанья благородней

Он становится; способен

Он хоть пару фраз связать?

Интересно мне узнать.

– Пару, тройку и связал;

Сразу к делу приказал

Перейти мне, без прелюдий.

Ладно, сплетничать не будем.

Сам Лисицын скажет нам,

От чего он пострадал.

Полным ходом пышный бал

Грохотал; кружились пары.

Звук оркестра обдавал

Полный зал, и словно чары

Действовали на людей,

Все от музыки пьянели.

Из конца в конец прошли

Мы весь зал, но не нашли

Там Лисицына; Мари

Тоже не было нигде.
Бросили мы это дело,
И вино пошли себе
Наливать. – Ух, надоело!
На второй этаж пойдём,
Там мы точно их найдём.
(Хитро говорит мне Толя).
Кажется я, братец, понял
Почему его вдруг гонят.
– За Мариной приударил?
– Тут к гадалке не ходи.
Он сидит все эти дни
Рядом с ней, и ей вливает
Что-то в уши шепотком.
Где-то прячутся вдвоём
Они, точно говорю!
– Ладно, версию твою
Мы сейчас с тобой проверим.
Допивай вино скорее!
Там Полина через веер,
Как в подзорную трубу
Смотрит, ищет нас! – Угу...
Давай скроемся от зверя.
И ведь всегда найти сумеет;
Ох, настырная она!
– Да, страшнее лишь чума.

Вот наверх поднялись мы,
И решили разойтись,
Чтоб скорее их найти.
– Ближе к комнатам держись,
Вряд ли они в коридоре.
– Полно, Толя! Хватит вздора!
– А вот увидим; мало ли?
Ближе к комнатам иди.

Раздавались шаги
Эхом в длинном коридоре,-
Сонные лакеи ходят
От двери и до двери.
Тихо музыка журчит
Через мраморные стены.
Кто-то гулко говорит
С кем-то, – слышно голос гневный.
«Очень на княжну похоже.» -
Думал я; и осторожно
Притаился возле шторы,
Спрятался за ней от взоров.
Пять минут там постоял,
И смотрю, – Мари выходит
Бледная и вся в слезах.
Вслед за ней княгиня скорым,

Нервным шагом поспеваает,
Дочку за́ руку хватает,
И в пол голоса цедит:
– Больше повторять не стану.
Брось-ка этот скорбный вид!
Голова моя кипит...
Я не девочка тебе!
Возвращайся поскорей
В зал. Ты меня слышишь?
(А Мари в ответ лишь дышит,
И бледнеет всё сильнее).
Бац! и на́ пол полетела,
Пала в обморок колодой!
(Ни живой я и ни мёртвый
Прямо возле них стоял,
Скрытый только тонкой шторой).
Много в коридоре окон,
Но ведь как-то угадал
Чёрт, толкнув меня сюда!
Эх, вот думаю, пропал...
Не дышал стоял, и ждал,
Чем всё это завершится.
А княгиня копошиться
Возле дочери не стала,
За лакеем побежала.
Я тем временем успел

Отойти чуток подальше.
Сел на маленький диванчик
Возле столика; сажу
И оттуда наблюдаю.
Что же будет дальше, жду...
Оболенского примчала
Под руку с собой княгиня!
И лакеи подоспели,
Воду принесли в графине,-
Оживили еле-еле
Ею бедную Марину.
Чуть не засмеялся я,
Когда Толю увидал!
Он растерянно мигал,
И княгине отвечал
На вопросы невпопад. —
Той картине был я рад;
Думал, будем вспоминать
Долго этот анекдот,
И от смеха помирать.
Встал я, и тихонько вброд
Перешёл бурную речку,
Чтоб в спокойненьком местечке
Посмеяться от души.
Вниз на бал я поспешил.

Час, наверное, прошёл,
Как сидел я за столом
Вместе с группой юнкеров.
(Или мне так показалось,
Когда ждёшь, то время дольше).

И княгиня не спускалась,
И Лисицына нет тоже.
Лишь Полина привязалась;
Сразу же сюда примчалась,
Как увидела меня.

«Оболенский с ними там.» -
Думал я. «А где Лисицын?
Неужели сразу смылся,
Как ту новость услышал?
Нет уж, в свой последний бал
Он бы вдоволь поплясал...»
- А где сейчас сестрица ваша?
Анатолий с ней, наверное?
(У ватрушки своей спрашиваю).

- Я не знаю. Где-то бегают.
Я вот тоже вас искала
Долго. Так скучала...
(Вижу, что сейчас начнёт
Меня к танцам совращать,
И ответил сразу влёт).
- Что ж, тогда пойдём искать

Вместе. Веселее будет.
Тут не заблудиться трудно,
В вашем замке. Поднимайтесь.
Вы так мило улыбаетесь.
(Плотоядная гримаса
У неё тогда была;
Думала, что затеряться
Я её зову туда,
Чтоб ласкаться, целоваться).

Ну, идём мы с ней вдвоём,
К лестнице уже подходим.
Смотрим, – там толпа кругом.
Поднимаются и сходят
По той лестнице лакеи,
Дамы кучками стоят,
Шепчутся. Во всём волненье
Чувствуется. Бросишь взгляд
На всё это представленье,
И каким-то суеверьем
Тёмным душу обдаёт...
Выше поднялись, и вот
Видим князя и княгиню,
Оболенский рядом с ними;
Тут же бледная Марина,
Вся в испуге, не мигая

Смотрит круглыми глазами.

Не успели подойти к ним,

Как и голос услышали:

«Сразу же оповестим.

За полицией послали.»

Мы с Поли переглянулись,

И поближе подошли.

– В комнату иди, Мари!

Что за ночь! Совсем рехнулись

Люди! Страшный мир...

Помоги ей, Анатолий.

(Так княгиня говорит,

И одеколон ладонью

На висок себе втирает).

– Мы уже и так послали,

Сударь, скоро будут здесь.

(Князю отвечал лакей).

– Не на деньги, а на честь

Посягнули!.. Два колье

Утащили. (Князь ворчит).

Старика-слугу убили.

За порядком уследить

Тяжело, когда весь дом

Стал вертепом! Ух, содом!

– Батюшка, давай потом.

(Тихим шёпотом княгиня

Князя разом осадила).

А я стою, не понимая,

Что всё это означает.

"Неужели так бывает?" -

Думаю. "Прям как в романе."

Князь тут подошёл ко мне,

Говорит: – Лисицын где?

– Сам искал его. Не знаю.

Он, должно быть, где-то в зале.

– И давно вы разминулись?

– Да часа как полтора.

(С Полей мы переглянулись).

С Оболенским я искал

Его здесь по всем углам.

– Ты не с ним тогда была?

(Спрашивает он Полину).

– Я скучала очень сильно,

Потому что он покинул

Меня. Их везде искала.

(Куксясь, пальцем указала

На меня дурёха эта).

– Ух, не взвидишь с вами света!

– Папа, что здесь приключилось?

– Преступление совершилось...

(Так сказал, и отошёл

К двум сановникам знакомым,

С ними разговор повёл).

В это время бедный Толя
В комнату меня позвал,
Он Марину охранял
Там от обмороков новых.
Вид был у него суровый.
– Тут такое дело, брат.
Кто-то умертвил лакея.
Я сам видел его тело,
Всё в крови; кругом лежат
Ворохи бумаг каких-то.
Череп у слуги разбитый;
Дикий, полный страха взгляд...
Позабыть бы был я рад
Эту страшную картину,
Но такое не по силам...
Шёл я, значит, в коридоре,
А навстречу мне княгиня
Выбегает. «Анатолий!
Ради Бога, помогите!
Плохо сделалось Марине!» -
Сходу так она кричит мне.
И пошли мы с ней вдвоём
Поднимать на ноги дом.
Двух лакеев прихватили,

И скорее поспешили
В комнату, чтоб взять микстуры.
Как-то быстро и сумбурно
Дальше всё происходило.
Мы вошли; княгине дурно
Сделалось. Весь пол залило
Кровью того старика,
Всё там в ней, в его мозгах...
Я как глянул, – позабыл
Для чего туда пришёл.
Словно статуя застыл.
Тоже мне нехорошо
Стало... Никогда не видел
Я покойников вживую.
И стоим мы там с княгиней
И с лакеями в немую,
Ужас души нам сковал.
Вот так я это увидал...
– Кто же мог его там стукнуть?
И как? Довольно трудно
Незамеченным остаться,
Ведь лакеи поминутно
Бдят здесь. – Разбираться
Будут скоро;
За полицией послали.
Думаю, отыщут вора.

Кучу там бумаг украли,
Два колье из бриллиантов.
Как-то всё обмозговали,
Рассчитали. Есть таланты
Средь злодеев,
Всюду ход найти сумеют.
(Так мы с Толей рассуждали).
А тем временем узнали
О случившемся все в зале.
Быстро музыку прервали;
Кончен бал в самом разгаре.

Минут сорок люди ждали
Полицейских. Наконец
Те пришли, и записали
Всех, кто был здесь, всех, кто есть.
Дальше среди толпы искали
Мы Лисицына, но он,
Видимо, покинул дом.
Целый час нас продержали
У Бакунинских. Потом
Расходиться приказали.
Помню, с Толей мы идём
До кареты, рассуждаем:
– Нет, такое не бывает
Как-то с бухты на барахты.

Тут они держали вахту
Воровскую, наблюдали.
Наобум бы здесь не стали
Они действовать. Узнали,
Где лежит, чего лежит,
Кто за этим всем следит,
И мгновенье лучше выбрав,
Под шумок стащили рыбу.
– Быть бы тебе детективом,
Анатолий. Волос дыбом
До сих пор от происшествий!
Нас теперь потянут в следствие.
– Что ж, отчёт им предоставим.
Мы с тобой толкались в зале,
Сержа и Мари искали,
А потом пошли наверх.
– Чёрт нас дёрнул ото всех
Отойти... Минут пятнадцать
Мы, наверное, скитаться
Продолжали в коридоре?
– Где-то так, точно не помню.
Нет, на нас они не станут
Думать. На Лисицына потянут.
– Да, не вовремя он скрылся.
Даже с нами не простился.
Он, я думаю, озлился

На Бакунинских, когда
Я от князя передал
Те слова. Раз отказал
Он от дома ему, значит,
Больше незачем рыбачить
Здесь, рухнули планы.
В этом смысле понимаю
Я его резкий уход.
Он, конечно, сумасброд,
Но не каторжник убийца.
– И уж точно не тупица,
Чтоб на самого себя
Подозренья вызывать.
Я вот думаю, напился
Где-нибудь в публичном доме.
Снял себе на ночку номер,
С местной дамой погрузился
В наслаждения. Проспится,
И узнает поутру,
Что явился на балу
Посреди веселья труп.

– Кофий заварить пора.
Утомил я вас рассказом?
(Молвит Спицын Калистрат).
– Что же вы, потом все сразу

Перестали к ним ходить?

– И кто же, всё-таки, убить
Умудрился? Тот Лисицын?

– А я думал небылица

Это всё. Да год припомнил.

Двадцать первый же выходит,

Если сорок лет назад?

(Гости стали задавать

Спицыну вопросы хором).

– Дайте выпить кофий! Скоро

К завершенью подойдём.

– Кофе лучше с коньячком.

– Подскажите, час который?

– Шесть утра, но не уснём,

Пока с вами всё не вспомним.

Продолжаю, господа.

День с событий тех проходит,

А Сергея не находят.

Видели его с утра

Возле станции. Стоял

Он на тройке там недолго,

Снаряженье собирал

Себе в дальнюю дорогу. –

Так об этом рассказал

Кто-то из извозчиков.

Впрочем, может быть, наврал.
Там у них доносчиков
За похмельную копейку,
Пруд пруди, сказать умеют.
Но факт в том, что в Петербурге
Не было его: ни дома,
Ни в гостях, ни у знакомых,
Ни у молодой подруги.
Ох, как маме его трудно
Было в пору ту... Но я
Не о том повествовать
Буду вам... Тянулся нудно
Этот день. Я рано встал,
И в газетах отыскал
Только лишь одну заметку,
Журналист ещё молчал.
Скоро станут сыпать метко
Целыми листами в номер,
А пока среди тех кто умер,
Имя старика-лакея
Записали. Казначеем
У Бакунинских он был,
Целый век у них служил.
Кофий пью, сижую, читаю,
Бал кровавый вспоминаю.
В полдень ровно собираюсь

В полицейский департамент
Заглянуть, дать показанья.
Так потом и поступил;
Всё им вкратце изложил,
Где и с кем той ночью был.
А потом пройтись решил
Я по Невскому один.

Снег охапками валил,
Рыхлым был, приятно падал,
Нежно в воздухе скользил,
Лица у прохожих гладил.
Как всегда, толпа народа:
Экипажи, пешеходы
По делам своим спешат,
Праздно многие стоят
Тоже. Не охватит взгляд
Многолюдное скопление.
Самое такое время,-
На обед, или назад
После отдыха идут.
Нескончаем этот ряд,
Гам столпотворенья тут.
В ресторанчик я зашёл,
Думал отыскать знакомых,
Но чиновников нашёл,

В разговоры погружённых.
Ладно, думаю, один
Посижу, возьму газету.
Прогоню шампанским сплин,
Устриц закажу, галеты.
Так и сделал. Отдыхаю,
Пью игристое, читаю;
Предо мною три журнала.
«Точно что-нибудь узнаю
О событии кровавом
Новое!» – так помышляю,
И страницами листаю.
И, действительно, наткнулся
На статейку про убийство,
И всецело углубился
В чтение; да вдруг запнулся,-
Чей-то голос услышал:
«Князь Бакунинский на бал
Многих к себе приглашал.
Был среди них этот Лисицын,
И лишь он один пропал,
Сразу смылся из столицы.
Он убивец! Кто же боле?
Гости все из благородных
Были; только он,
Скажем прямо, обделённый.

Вот и преступил закон,
Блеском злата ослеплённый.
Оболенский Анатолий,
Или Спицын, не могли.»
– Да-с, но позабыли вы,
Что весь зал гостями полный
Был в ту ночь. Куда ходил?
Кто? Преданье тёмно...
Сам Господь не уследил
Бы за этой бóрзой сворой
Юнкеров; такой в них пыл!
(Кто-то рядом говорил).
Посмотрел я на тот столик;
Там господ сидело двое,
Было им годов за сорок.
Думаю: «Уж стали спорить.
Что же будет чрез неделю?!
Это станет главной темой
Всевозможных разговоров.
Ишь, считают нас за свору!
Это вы брехать способны
По-пустому, как собаки!
Слышат шум, не зная драки.»

Пообедавши, пошёл я
Наконец-то сытый к дому.

Там слуга принёс письмо мне
От Полины; много вздора
В её строках я прочёл.
Бросил, скомкавши, под стол
Всё её произведение.
И звонок услышал в двери,-
Притащили мне лакеи
Новую записку; в ней
Было сказано: «Скорей
Собирайся и иди
На Васильевский, там в три
Ровно буду ждать тебя,
Новость надо рассказать!»
Почерк сразу я узнал,-
Оболенский написал.
«О Лисицыне он хочет,
Что-то мне поведать, точно!»
Я оделся, побежал,
Приказал собрать карету.
И вина бутылку взял;

Пью тихонечко, и еду.
Долгим показался путь,
Словно в заграницу ехал,
Нетерпенье грызло грудь.
Думаю: «Вдруг ради смеха

Надо мною подшутил?!
Нет, не стал бы, ведь убил
Я его тогда бы там же!
Интересно, что расскажет...»

Через пол часа добрался.
В дом указанный пришёл,
Громко в двери постучался.
Дверь открыли мне вдвоём
Оболенский и Михайлов,
(Я его вам не представил,
Нам приятелем он был).
Толя сходу завопил:
– Он с Лисицыным был вместе
Всю ту ночь! В деревне пили!
Там у них были невесты,
Танцы, пляски, изобилье
Вин и яств в одной избе!
– Так, что даже голытьбе
Пару ящичков отдали.
Я тогда бы и в уме
Не представил, что гуляем
Мы с Лисицыным на крбви...
Удивился только, помню,
Думаю, от куда взял
Он на это капитал?

Спрашивал, да тот вилял.
Говорил, что банк поднял
В карточной игре недавно.
Ну и был я сильно пьяным,
Чтоб в подробности вдаваться.
Угощают, – развлекаться
Надо, ни к чему детали.
Как мы там буяннить стали!
Вся изба полна гостями:
Девки молодые, парни;
Мужики аж сапоги,
Словно в праздник одевали,
Чтобы чётче от ноги
Стуки плясок отлетали.
А Лисицын, как Буслаев,
Ну ей-богу, атаман!
Видно было, что он знает
Всех там, не по именам,
А как круг друзей своих.
И такие среди них
Были люди, что клейма
Не хватало им на лбы;
Не крестьяне, а братва,
Сход разбойников лихих!
Редко я видал таких.
Два стола больших дубовых

Вместе мы соединили,
Как один, и их накрыли
Яркой скатертью огромной.
Усадили под иконы
Нас с Лисицыным, в тот угол,
Где они всегда поклоны
Бьют. Как с другом
Обращались они с ним,
Не заискивали вовсе.
Вот накрыли всё, сидим
Пьём, без лишних тостов.
Наш Серёжа поначалу
Возмущался, что цыган
Не нашли мы, – песен мало,
Хочет слышать плач гитар.
Тут старик один поднялся,
И велел позвать с деревни
Местных девок, чтобы пели;
Скоро целый хор собрался.
И разбойники гремели
Песни тоже всей гурьбой,
Ух, какой поднялся вой!
Вы бы там окаменели
От той силы дикой, древней,
Вольной... Дух народный
Пребывал средь нас тогда.

Это, братцы, сила! Да-а...
В наших кучках благородных
Мы французами все стали,
От корней своих отстали;
Русскую свою природу
На шарманки променяли...
Как потом мы там плясали!
Это, братцы, было что-то!
Мы, конечно, лишь скакали,
По сравненью с мужиками.
Ну а те в своей животной
Силе, удаль показали,
Ловкость, мастерство, ей-богу!
Вот такие по дорогам
И разбойничают ночью.
Не крестьяне они, точно,
Не из крепостных рабов,
В них свободы, будь здоров!
– Ну а если б на дороге
Они встретили тебя,
То плясал бы ты недолго.
Воспевает их, дурак!
– Оболенский, не мешай!
Что же дальше? Продолжай.
– Дальше, пили и гуляли
Вплоть до самого утра.

Двух девчонок приласкали.
А потом все со двора
В миг единый укатили.
Видно было, что спешили.
Там я и расстался с ними.
И Лисицын мне слова
На прощание сказал,
Что, мол, он дорогой длинной
Хочет прокатиться к финнам.
Ну а там полёт орлиный
Будет у него, взлетит он.
Трое человек с ним было
В экипаже. Остальные,
С гиком, свистом, покатили
Кто куда в своих санях...
Я узнал о новостях
Этим утром из газет.
Сразу понял, дело – швах.
Вот и вызвал на совет
Вас сюда. Какие мысли?
– Это он, сомнений нет.
Он убил, и деньги свистнул!
– Толя, погоди судить.
Совпадение может быть.
Вдруг, действительно, он в карты
Деньги выиграл. Азартен

И везуч он был всегда.
– То же самое сказать
Про него могу, добавив,
Что он дерзкий, храбрый малый.
– И хитёр как лис бывает.
– Вот, и это всё слагаем
И портретик получаем.
Ну а главное, что он
Убежал из Петербурга.
Значит, преступил закон.
Для чего ему прогулка
В заграницу вдруг нужна?
(Так мы стали обсуждать
Это дело там втроём).
За вином слугу послать
Не забыли. Спорим, пьём.

Поздним вечером, во тьме
Мы поехали в деревню
Ту, искать навеселе
Злых разбойников в харчевне.
Едем лесом; волки воют,
Воздух стоном леденят,
Словно павшего хоронят.
Через мглу на нас глядят
Злыми взорами; горят

Очи их огнём могильным.
Пробирает наши спины
Дрожь от пенья этих тварей,
Льдом застыла кровь по жилам...
А они не умолкают,
Чуют близкую поживу;
Меж деревьями мелькают,
Обступают терпеливо,
Экипаж наш догоняют.
Смертью веет от волков,
В вое их поёт сам дьявол,-
Ищет в тёмном боре кровь,
Чтоб насытить до отвала
Суть жестокую свою;
Волки вместе с ним поют...
Хорошо, что Оболенский
При себе всегда имел
Пистолет, – обычай светский
Соблюдать он так хотел.
Выстрелил через окно,
И мгновенно стихло всё;
Звери звука испугались
И по лесу разбежались.
Мы смеёмся, пьём вино,
Едем дальше. Снова вой
Зазвучал в густой дубраве

Ото всюду, и такой,
Что ещё страшнее стало...
Сотни голосов звериных
Пели песнь свою тоскливо.
Целый час, без перерыва
Выли они заунывно.

Добрались мы до деревни,
И зашли в тот самый дом.
Старичок нас встретил древний,
В комнату скорей провёл.
Трое человек там было:
Баба, двое мужиков.
И детишки торопливо
Повылазили с углов,
Посмотреть гостей незваных.
– Самоварчик вам поставлю.
Ох, морозец на дворе!
(Говорит нам этот дед).
Сударь хотят гулять,
Или просто посидят,
Чай попьют, поговорят?
– У тебя хотел узнать
Я про друга своего.
Вместе мы тогда вдвоём
Тут гостили, выпивали.

– Ничего про них не знаю.
– Ну а, может быть, найдём
Тех, кто с нами был тогда?
– Не сыскать их днём с огнём.
Чай-то надо, господа?
– Наливай, согреться надо.
(Отвечал ему Михайлов).

Посидели за столом,
Чай из липы пригубили,
И покинули тот дом.
– И зачем вы торопили
Меня ехать? Говорил вам,
Что лишь время зря убьём.
– Ничего! У нас есть вина!
Неудачу мы зальём!
(Так обратно мы втроём
Возвращались). Что-то сильно
Треснуло вдруг по карете,
Щепки с двéри полетели,-
Кто-то выстрелом в нас метил.
– Кучер, выноси скорее!
(Закричал я). Тут опять
Выстрелов, наверно, пять
Прозвучало, – застучало,
Как камнями в экипаж,

Не до смеха вовсе стало
Нам; такой мандраж
Охватил нас! Мы сползли
С кресел на́ пол; залегли.
Ускакали, слава Богу.
Когда вышли на дорогу
Городскую, то смотреть
Стали, что к нам залететь
Вдруг смогло с теми хлопками.
Две дыры больших зияли
На двери, – пробило на́сквозь.
А вот в корпусе застряли
Пули, – это радость,
Были б мы как решето.
– Вот уж, братцы, повезло!
Никого не зацепило?
– Нет. Рукав разворотило
Мне на шубе, и всего.
– А карета пострадала...
Эх, теперь не будет мало
От отца мне! Как узнает,
Он такой картечью вдарит!
(Говорю я, сокрушаясь).
Постояли, посмеялись,
И решили по домам
Все разъехаться скорее.

Я чуть-чуть болел с утра,
Было лёгкое похмелье.
Кучеру я приказал
Поменять в карете двери.
Кружкой пива сплин развеял,
Выпил кофий, и в газете
Стал читать о громком деле.
Заголовки все пестрели:
«Среди танцев преступлень»,
«Бал Бакунинских», «Убийство»,
«О преступном поколеньи».
Ну и всё в таком же смысле.
Про Лисицына, (что скрылся),
Лишь ленивый не писал;
Свет заочно приписал
Всю ответственность ему,
И понятно почему.
Так я часик скоротал,
Изучая злобу дня.
Письма я потом достал,
Их там было у меня
Штуки три, все от Полины,-
В вычурном, жеманном стиле
Чувства свои изливала,
Срочно в гости приглашала.

Думаю: «Пора сходить
И узнать, что там у них.
По-английски уходить
Плохо. Всё ж жених
Был я в планах её мамы.
Сильно огорчать не стану
Благородное семейство.
Да и от безделья средство
Лучшее, – нанести визит...
Долго дверь мою чинить
Надо. Эх, зачем мы, дурни,
В ту деревню покатали!
Недоразуменье будет.
Лишь проблем себе добыли.
Впрочем, может, не узнают.
Мало ли, где мы гуляли...
Кучер точно разболтает,
Что в лесу по нам стреляли!
И уже, наверно, травит
Байки свои мужикам...
Ладно, посмотрю, как там
Экипаж мой поживает.
Прикажу, пускай впрягают
В старую карету. Еду
К Оболенскому сначала,
Чтоб не скучно на обеде

Было. А Михайлов?..
Не пойдёт он в гости к ним.
Значит, с Толей посидим,
И чего-нибудь узнаем.» -
Так размыслив, я направил
Путь свой к Оболенскому.

– В логовище светское
В этот раз поедem мы.
(По дороге говорит
Анатолий). Место им,
И Полине, и Марине,
В той деревне воровской,
Ближе, так сказать, к скотине,
Ха-ха-ха! У них такой
Вид, что бабы будут краше
С сорока детьми. Ух, страшны!
– Про Полину я согласен.
А Мари, в ней что-то есть.
– Добрый нрав её украсил,-
Вот и вся ей будет честь.
Только, что не безобразна,
И немножечко есть разум.
– Мать у них хитра, пожалуй.
– Да, но только не умна.
За всю жизнь один роман

Прочитала захудалый.
Ум свой сплетней занимала
И тактичную рисовкой.
Лишь житейская сноровка
В ней видна. Таких немало
Средь купчих и прочих дур.
Их умишка, как у кур.
Во всех этих хитрых дамах
Разума на две копейки.
Обмануть они умеют;
И в невежестве своём,
Это качество лелеют,
Хитрость путают с умом.
Интеллекта не имеют,
Лишь житейский опыт им
Восполняет дефицит
Кругозора. Их идеи
Родились из разговоров
Бытовых, где главной темой
Служит быт, да споры
Глупые о мелочах,
Сплетни. В их умах
Только это и найдём.
Скажут, мы, мол, слёзы льём,
Тонко чувствуем, страдаем.
Чепуха это такая!

– Ты поссорился опять
Со своею куртизанкой,
И пошёл огнём метать!
Успокойся; спозаранку
Вредно, Толя, причитать.

– Не смешно. Я лишь воздать
Справедливо им хотел.
И не всех ввиду имел...
Как там у тебя карета?
– Кстати да, проблема это.
Думаю, уже узнала
Вся прислуга в моём доме,
Что картечью нам попало,
Слухи очень быстро ходят.
Выйдет недоразуменье.

– Да уж, поплясать хотели.
Хорошо, что уцелели.
Если надо, объясним,
Как всё это получилось.
Ну, Лисицын! Натворил
Дел! А ведь учились
Вместе с ним, не зная, что
Лютый зверь средь нас таится.

– Думаешь, что это он?
– Ну а кто? Набрал гостинцев
И пустился в заграницу.

И сумел ведь, умудрился
По средь бала сотворить
Ограбление с убийством.
(Долго мы тянули нить
Разговоров с Оболенским,
Добираясь до места).

Вот приехали, идём в дом.
Нас там ждали за столом,
В трауре, Поли с Мари
И княгиня; князь же был,
Где-то по делам своим.
Мы уселись, говорим
С дамами на злобу дня.
– До сих пор прийти в себя
Не могу. Какой кошмар!
(Сокрушается княгиня),
Лучше б в доме был пожар!
– Виноваты. Притащили
За собой друзей своих,
И не знали, что средь них
Волк пришёл в овечьей шкуре.
– Вы не виноваты, сударь.
Каждый за себя в ответе.
Очень много есть на свете
Негодяев; как узнать,

Кто святой, а кто злой тать?

(Эту фразу как-то странно

Мать семейства изрекла.

Неужели вдруг узнала

Про вчерашние дела)?

От неё не ускользнуло

Наше замешательство,

Пристальной на нас взглянула;

И про грех предательства

Стала говорить туманно:

– Если бы я точно знала,

Что моя подруга – вор,

То при всех бы рассказала.

Пусть и для меня позор,

Но пред совестью и Богом

Я тогда б была чиста.

– Мама, хватит! Ради бога!

(Вдруг Марина, вся в слезах,

Выкрикнула, и ушла).

Неприятно тишина

Наползла на нас; мы все

Друг на друга не глядели

И молчали, и не ели.

Груз неловкости на всех

Навалился за мгновенье.

– У Марины поведенье

Изменилось, господа...
С нею мне сейчас беда.
Я оставлю вас... Поли!
Ну хоть ты гостей займи!
(И остались за столом
Мы втроём сидеть в молчаньи),
И слышали, что в дом
Входит князь. Привстали
Вместе с Оболенским мы,
Чтоб приветствовать его.
Подошёл он к нам, стоит
И цедит, с закрытым ртом:
– Рад вас видеть вновь у нас,
Даже и в недобрый час.
(Сухо руку нам подал),
И сурово продолжал:
– Я хочу вас попросить,
Чтобы вы нам помогли
Выйти, так сказать, на нить
Верную... Во сколько вы
Вечером вчера вернулись?
(С Толей мы переглянулись).
– Мы в деревню заглянули.
Посмотреть, как там гуляют...
– Вот об этом с вами будут
Говорить подробней. Знают,

Что вы лихо отдыхали.
Я же, вас предупреждаю...
Чего б вы там не рассказали,-
Всё ровно. Я обещаю
Не забыть вас... До свиданья.
(И ушёл, после сих слов).
Пол часа мы посидели,
И покинули их кров,
Даже выпить не успели.

– Что-то слишком он суров
К нам; совсем не верит.
В рог бараний гнуть готов!
– Я надеюсь, этой цели
Вовсе нету у него.
Он, конечно, очень зол,
Но ведь факты налицо.
– Мы вчера сами сумели
Подозрение навлечь
На себя. Намылят шеи,
Вспомнят нам про ту картечь.
А Михайлову тем паче.
Будем к нему заворачивать?
(Ехали мы, рассуждали).
Эх, какими дураками
Были мы в ту пору все!

Что такое двадцать лет?

Приключения искали

Там, где вовсе и не надо.

Детство было с синяками,

Ну а в юности, бравада

Многих к бедам привела...

– Как же дальше-то дела

Повернулись, Калистрат?

– Всё ж Лисицын виноват?

– Быстро его отыскали?

(Гости снова задавали

Спицыну вопросы хором).

– Господа, там много вздора

Было. Нас уже рядила

Пресса в банду душегубцев.

У Бакунинских есть сила,-

Как-то разом отвернуться

Все от нас вдруг поспешили.

Мест на службе нас лишили

Предстоящих; окатили

Всюду славою кровавой.

Но зато любить нас дамы

Стали сильно; так спешили

Нам свиданья назначать.

Много с ними мы гршили,

Хе-хе-хе! Не буду врать
Долго я сейчас о том,
Но скажу, что на кровать
Уложил штук семь потом,
Где-то за год; и женился.
– Тут ты, брат, поторопился!
– Ну так, что же там Лисицын?
– Не нашли его совсем.
Может, всё-таки, успел
Затеряться в загранице.
Ну а, может, быстро спел
Песнь прощальную, – накрылся
Где-нибудь в канаве снегом.
Вспомните, кто с ним поехал...
Интересным человеком
Был Лисицын. Вид его
Не внушил бы ничего
Подозрительного; в нём
Много качеств сочеталось.
Сразу не увидишь ярость,
Если сверху есть приятность
В обхождении и такт.
Это я *post factum* так
Рассуждаю... Я не знаю,
Как потом сумел Михайлов
Отвертеться от суда;

Факты, видно, показали,
Что не мог он с ним тогда
Заодно быть. Нас держали
Месяц всех под наблюденьем.
Мы расписки им отдали,
Что за город не уедем.
Вот такое, господа,
Было сорок лет назад...
Рассвело уже почти;
Не пойти ль нам покурить,
Так сказать, на свежем ветре?
(Тут все вышли, и беседу
Возле дома продолжали).

– Многое видал на свете,
Но такого и в романе
Не всегда прочтёшь, пожалуй...
А разбойники все эти
Из деревни, их нашли?
– Взяли для суда троих.
Не в пустом же будут зале
Громкий оглашать вердикт.
Для Бакунинских поймали
Тех, кто без того сидит
По острогам целый век.
– Так всегда, – се человек.

Кто судам сим доверяет?

– Калистрат Петрович; дамы
Ваши, с ними что?

– Видел я Мари потом
Только раз. Они сейчас,
Говорят, живут в Париже.
Подобрали им престижных
Меценатов в добрый час.

– И Лисицын к ним поближе
Будет там, хе-хе, как раз!

– Нет, я думаю, он вышел
Уж давно от всех от нас.

Где-то через год уже,
После тех событий страшных,

Видел я его во сне,
За две ночи сразу дважды.

Я частенько мёртвых вижу.
Здесь у них своя есть ниша,

Они всюду среди нас.

Мало кто уходит выше
В лучший мир. Мы часто глас
Мёртвых в пеньи ветра слышим,

Видим облик их во снах.

Наши мысли служат пищей

Им; они в словах,

Образах являться могут,

Есть у них к живым дорога.
– С переменою погоды
К нам покойники приходят,
Бабка моя говорила.
– Тут везде разлита сила,
Всё пространство, – их приют;
Здесь они душой живут,
Ждут телá для новых жизней.
Они с нами рядом, близко.
В рай уходят единицы...
Как хорош бывает снег
На ветвях заиндевелый!
Словно из кристаллов мех!
Выразить я не умею;
Посмотрите, господа,
Рядом с нами красота...
Вот когда-нибудь и я
Выпаду здесь снегом белым;
Грешная душа моя
Будет в нём, и я сумею
Путь к живым в умы найти.
Расскажу безмолвно им
О своей мятежной жизни.
Может быть, поэты втиснут
Мои мысли в свои рифмы,
И напев души не стихнет...

– Ночь не спал, а утром – лирик,
Хе-хе-хе! Церковный клирик
Заругается на вас
За такие представленья.
– Ну и пусть. Уж в этом спас
Бог меня, – от чьих-то мнений
Вовсе не завишу я;
И того же вам, друзья,
Всем, от всей души желаю.
Здесь мы сами выбираем
Путь свой к аду или к раю;
Для чего мне костыли,
Если сам могу идти?
– Это уже якобинство,
Только, среди духовной сферы!
А вот мне другое свинство
В ум пришло вдруг, на примере
Тех разбойников лихих...
Сколько по стране таких!
Если им объединиться,
То опять может случиться
Бунт. Давно ли Пугачёв
Наломал в отчизне дров?
Волю крепостным дают,
Это что же происходит?!
Всей гурьбой на нас попрут,

Вот увидите! Погонят
В шею нас; дома сожгут,
Всё разграбят, всех убьют!
– Ну уж это вовсе тут
Маловероятно, сударь.
Мысли снега, – их прочтут
Здесь скорее; нет, не будет
Пугачёвщины у нас.
Наши внуки в добрый час
Будут жить. Есть телеграф
И железная дорога;
Свет прогресса, – он от Бога.
Мужикам побольше прав
Государь рукою щедрой
Предоставит. Добрый нрав
Будет у эпохи; с верой
Наш народ вперёд пойдёт.
Жить здесь будут без забот.
– Да, прогресс, конечно, – сила.
Даже коврик-самолёт,
Думаю, соорудим мы,
Будем добираться влёт
Из конца в конец по миру.
Сказки явью могут стать.
Мы реальность создавать
Можем своей мыслью быстро.

– Мне бы очень пригодился
Аппарат для разговоров,
Вот, как зеркальце такое.
В нём бы видел я жену,
И сказал бы ей: «Иду,
Скоро буду! Ставь на стол!
Спицын задержал нас тут,
Ха-ха-ха! Такое плёл!»

– Да-с, к реальности пора
Нам вернуться, господа.
Я вам правду рассказал;
Во что верить, – вам решать.
– Что же было с Оболенским?
– Царствия ему небесного.
Подшутил над дамой дерзко,
И убит был на дуэли,
Года через три, наверное,
После происшествий этих.
А Михайлов даже метил
В губернаторы, но стал
Прокурором; соблюдал,
Так сказать, правопорядок,
Суд вершил и взятки брал,
Очень был на деньги падок.
Бог его к себе прибрал
Года два назад, я слышал.

Я один пока не вышел
Из земного круга прочь.
– Калистрат Петрович, дочь
Михайлова я знаю.
Всё о чём вы рассказали,
По газетам прочитал я.
Раньше я в столице жил.
С первых ваших слов застыл
Я, охвачен впечатленьем.
И про год тогда спросил,
Помните? А вас всё время
Я считал однофамильцем.
Редко видимся ведь. Спицын,
Думаю, там в Петербурге,
При деньгах и при прислуге.
– Из прислуги лишь супруга
В этом логове была
У меня, да умерла.
Нас фортуна замела
В дальний угол. Про дела
Снова начинаю думать...
Эх, скорей б уж сам я умер!
Да и что здесь, господа,
Жизнью называем мы?
Смутных суток череда,
В них действительность, как сны.

Что сегодня, что вчера,-
Всё это уходит в бездну.
В юности жизнь интересна;
Ну и в зрелые года
Тоже. А потом беда.
Мы сейчас с вами во сне
Общем; видим сновиденья
В то же время и в себе,
В голове своей. Виденья –
Все мы; таем словно тени,
Исчезаем, прочь уходим...
Через тридцать лет не вспомнят
Никого; всех похоронит
Время. В новых сновиденьях
Явимся мы здесь опять,
Чтобы сказку продолжать
Бесконечную... Я снегом
Скоро буду выпадать...
Скорбна участь человека.
Ладно, судари, я спать.

– Спицын, что-то вовсе спился.

– Да, друзья, на то похоже...

– Ничего! Опохмелится,

Мысли в голове уложит,

И в себя вполне придёт.

– Лишь бы не явился чёрт
К нему, с тяжкого похмелья.
(Гости стали расходиться
По своим каретам). Выстрел
Гулко прозвучал в это время...

Писал с 10.12.2022 по 10.01.2023.